

ли, общей культурностью населения, меньшим развитием рабства, преобладанием более мягких форм зависимости. Благодаря этому производительные силы оказались там менее подорванными.

В заключение еще раз остается повторить, что, несмотря на сделанные отдельные замечания, книгу С. И. Ковалева надо считать серьезным и интересным учебным пособием. Что же касается принципов построения учебника, то их окончательно можно выработать лишь после активного обсуждения имеющейся у нас учебной литературы.

Е. М. Штаерман

*ЗАМЕЧАНИЯ К ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМУ РАЗДЕЛУ
В УЧЕБНИКЕ В. С. СЕРГЕЕВА «ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ
ГРЕЦИИ»¹*

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания стали могучим стимулом для дальнейшего развития исторической науки. Поэтому обсуждение учебников по древней истории, созданных, как известно, до появления трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, представляется делом необходимым и своевременным. История древнего мира является профилирующей дисциплиной для исторических факультетов и отделений университетов, педагогических и учительских институтов. Это обязывает при обсуждении с особой требовательностью подходить к учебникам и учебным пособиям по истории древнего мира, бережно сохраняя и развивая все лучшие стороны их и решительно освобождая их от всех и всяких недостатков.

Практика работы с учебниками в высшей школе и появившиеся рецензии показывают, что в основном авторы успешно справились со своими задачами. Учебники отражают успехи советских историков, которые, руководствуясь в своей работе диалектико-материалистическим методом, сумели разрешить основные проблемы истории древнего мира. В свете этих успехов становится нетерпимым отставание нашей науки в разработке вопросов историографии.

Примером этому может служить хотя бы то, что до настоящего времени не появилось ни одной монографической работы, посвященной историографии древнего мира, что ВДИ печатает мало специальных статей историографического характера. В какой-то мере отражением этого отставания является и то, что за последние 10 лет, среди известных автору около 100 кандидатских и докторских диссертаций, посвященных вопросам древней истории, только две имеют целью решение вопросов историографии².

Пренебрежение к этим вопросам вредно отражается на трудах по древней истории. Это прежде всего касается историографических глав в учебниках и учебных пособиях. Почти всем этим главам свойственны одинаковые недостатки: отсутствие систематического и строгого подбора материала, нечеткость выводов и определений, досадные пробелы в обрисовке отдельных периодов развития историографии. В этом отношении показательна историографическая глава учебника В. С. Сергеева по истории древней Греции, написанная проф. Н. А. Машкиным.

Прежде всего следует сделать несколько замечаний, относящихся к композиции главы. Она построена в основном по тому принципу, которым в свое время руководствовался В. П. Бузескул³. Разумеется, проф. Машкин включил и новый материал,

¹ Печатается в порядке обсуждения учебников.

² О. Б. Алясковская, Римский аграрный вопрос в русской историографии XIX века, М., 1951; Ю. Б. Деницкий, Вклад отечественной науки в изучение истории древнего Востока, М., 1951.

³ В. П. Бузескул, Введение в историю Греции, Пгр., 1915.

который имелся к моменту издания учебника, но схема построения осталась без изменений. Бузескул выделил известные периоды в развитии исторической науки по древней Греции, базируя эту периодизацию на развитии и успехах самой исторической науки о древней Греции, не принимая во внимание этапы социально-экономического развития общества. Затем он синхронистически изложил по этим периодам историю изучения древней Греции на Западе и в России.

Если в свое время этот принцип был еще относительно приемлем, так как он устанавливал хоть какой-то порядок при изучении вопросов историографии, то теперь его принять нельзя, так как он не позволяет ни составить представления о путях развития западноевропейской и русской дореволюционной науки, ни уяснить с достаточной полнотой принципиальное отличие советской исторической науки от буржуазной. В связи с указанными недостатками, на наш взгляд, следовало бы отказаться от схемы Бузескула и разграничить изложение историографии западноевропейской, русской дореволюционной и советской.

Н. А. Машкин делает попытку выделить определенные периоды в развитии историографии. При этом он исходит из правильных положений, ставя развитие историографии в связь с развитием социально-экономических отношений. Так, на стр. 48 читаем: «с 1871 г. начинается период империализма, период упадка капитализма, когда буржуазия окончательно становится реакционным классом». Но, к сожалению, это лишь попытки, относящиеся притом только к западноевропейской историографии. Развитие русской дореволюционной и советской историографии не поставлено в связь с периодами в развитии дореволюционной России и Советского Союза.

Наконец, с методической точки зрения кажется более целесообразным излагать вопросы историографии так, как это частично сделано в учебнике проф. В. И. Авдиева по истории древнего Востока и учебнике по истории древнего Рима проф. Н. А. Машкина, а именно: в историографической главе, предпосылаемой изложению хода исторических событий, рассматривать только основные этапы и направления историографии, а анализ взглядов на отдельные вопросы и события древней истории относить к соответствующим местам учебника. Надо иметь в виду, что студенты, начиная изучение истории Греции, не в состоянии оценить значение анализа взглядов историков на отдельные события, так как многие события им еще неизвестны.

* * *

Историографическая глава начинается с характеристики западноевропейской буржуазной историографии. К сожалению, в начале главы отсутствует совершенно необходимое указание на классовый характер всей буржуазной историографии. В разделе, посвященном западноевропейской историографии, начиная со времени Возрождения до конца XVIII в., правильно указывается на появление интереса к античности в это время, дошедшего до канонизации произведений античных авторов, но не указано главное, что буржуазная историография с момента своего возникновения была орудием в защите классовых интересов буржуазии, что предания древних служили буржуазии для того, чтобы скрыть «... буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы...»¹.

Ясно, что такой подход к изучению истории не мог обойтись без насилия над фактами, без извращения исторической действительности. Правда, в учебнике имеется общее замечание о том, что «разработка и изучение греческой истории определялись различными факторами. История Греции, как и другие общественные науки, развивалась в тесной связи с политической и социальной историей» (стр. 38). Несколько дальше указывается на использование древней истории деятелями французской буржуазной революции, но это указание может только ввести в заблуждение читателей. В самом деле, недостаточно было сказать, что «греческие республики рассматрива-

¹ К. М а р к с, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, Госполитиздат, 1951, стр. 10.

лись как образцы идеального политического строя, ставились в пример любовь к свободе, мужество и патриотизм греков». Из этой фразы читатель не поймет, почему буржуазные идеологи, много и невразумительно говоря о свободе, равенстве и братстве, обращались к примерам из истории древнего мира. Этой путаницы можно было бы избежать, если бы автор привел упомянутое выше классическое указание К. Маркса по этому вопросу.

В этой же части рецензируемой главы упоминается имя Вико в связи с тем, что он «высказал предположение, что Гомера нельзя считать реальной личностью» (стр. 37). Но о Вико надо было бы сказать и другое. Вико был родоначальником буржуазной теории циклизма, оправдывающей извечность капиталистических отношений. Эта теория со второй половины XIX в. стала оплотом реакционеров в борьбе с марксистским учением об обществе. Отсутствие этих указаний делает непонятным встречающиеся в учебнике утверждения: «Мейер возвращается к циклическим теориям», о которых ни раньше, ни после ничего не сказано.

Период развития западноевропейской историографии, относящийся к началу XIX в., не имеет общей оценки, а переход к нему сделан непоследовательно. За словами «буржуазная историография начинается, таким образом, с идеализации древней Греции» следует неясная фраза — «Англия последовательно вела борьбу с революционной Францией» (стр. 38). А между тем положение буржуазии в это время коренным образом изменилось. Ее задача теперь состояла уже не столько в борьбе с феодализмом и его пережитками, сколько в укреплении и развитии капиталистических отношений. Это повлекло за собой и изменение отношения к древней истории. «Но как только новая общественная формация сложилась,— пишет Маркс,— исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина — все эти Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь»¹. Настало время, когда буржуазии надо было расплачиваться за свою болтовню о свободе. Это вызвало критический пересмотр взглядов на древнюю историю. Такова, на наш взгляд, была социальная причина возникновения так называемого критического метода. Возможность осуществления этого метода была подготовлена накопившимися знаниями по истории древнего мира, введением в научный оборот новых источников (эпиграфические и вещественные памятники). Критический метод способствовал лучшему познанию истории древней Греции, выдвигал перед учеными новые объекты исследования (например, экономические вопросы). Об этом, пожалуй, с достаточной полнотой сказано в учебнике, но, не раскрыв социальных корней этого метода, автор не смог показать, что критический метод вместе с этим оказал влияние на дальнейшее развитие буржуазной исторической науки именно потому, что, с одной стороны, давал возможность разделаться с неумеренными восхвалениями греческой «свободы», а с другой, развязывал руки для новых построений.

Не поставив вопроса о задачах буржуазной историографии этого периода, автор не смог правильно оценить работ историков того времени. В результате получилось, что Нибур стремился «дать достоверную, очищенную от вымыслов и легенд римскую историю» (стр. 39), что критическое изучение источников стали применять с целью установления «исторической истины». О том, что представляла собой эта «историческая истина», говорит, к сожалению, не учебник, а один из видных представителей этого периода — Бэк, который заявил: «кто изучал политические учреждения древности, тот не будет потворствовать утопиям социализма»². Совершенно непонятно, почему в главе отведено место английскому реакционеру Берку, который ничего не сделал для изучения истории Греции. Да и Митфорду, «заслуга» которого состояла в том, что в полемике с ним «через несколько десятилетий возникла „История Греции“ Грота» (стр. 38 сл.), можно было бы уделить меньше места.

Середина XIX в. представлена анализом работ Грота, Дройзена, Курциуса, Дункера и Фюстель де-Куланжа. Занимает этот анализ больше половины того места, кото-

¹ К. Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, стр. 9.

² А. Воескh, Encyclopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften, Lpz., 1886, стр. 29.

рое отведено русской историографии. Одному только Гроту посвящена целая страница (а их в главе всего 24). Хотя в это время изучение истории древней Греции и получило дальнейшее развитие, но из текста учебника не видно, чтобы такое внимание к перечисленным историкам было оправдано. Больше того, отмечая второстепенные факты, автор не всегда четко изображает политическую направленность трудов отдельных историков. В самом деле, что узнает читатель о Гроде? Он узнает, когда и как жил Грот, когда появились его работы, что он на досуге занимался историей древней Греции, что книги его написаны живым языком, читались многими поколениями и переводились на другие языки. Это могло бы быть уместным в специальном историографическом очерке, но не в учебнике, где приходится дорожить каждым словом. О взглядах Грота говорится также, что он скептически относился к далекой древности, что он дает характеристику греческого рода. Было бы лучше привести слова Энгельса, который говорит, что Грот превращает род «...в продукт чистого вымысла и поэтического творчества...», что «...достойно только „идеальных“, т. е. чисто кабинетных книжных ученых»¹. Из всего сказанного трудно усмотреть, почему же так много места уделено Гроту.

Вызывает сомнение и подбор имен, содержащийся в этом разделе. Может быть, о Дункере не следовало бы упоминать, так как особой пользы своими трудами он не принес ни в свое, ни в последующее время. Надо все же сказать, что связь его выводов с реакционными политическими убеждениями раскрыта хорошо.

Характеристика работ Фюстель де-Куланжа не дает полного представления о нем как о реакционнейшем историке. В частности, в заслугу Фюстель де-Куланжу поставлена «попытка его связать религию с другими сторонами общественной жизни» (стр. 43). Но известно, что сам Фюстель де-Куланж не ставил перед собой такой цели. Уж если говорить о его попытках, то следовало бы указать на обреченную на полный провал попытку использовать религию в целях борьбы с материалистическим учением об обществе.

Приходится сожалеть, что и этот раздел не обобщен. А здесь необходимо было бы четко сказать о получившей в то время права гражданства модернизации, которую Ленин считал наиболее типичной чертой буржуазной историографии; «нет ничего характернее для буржуа, — писал В. И. Ленин, — как перенесение черт современных порядков на все времена и народы»².

Обзор западноевропейской буржуазной историографии конца XIX и начала XX вв. правильно начат с характеристики империализма и указания на то реакционное влияние, которое империализм оказал на развитие буржуазной историографии, но вместе с этим надо было бы определеннее показать, в чем выражалось это реакционное влияние. А оно выражалось прежде всего в том, что буржуазные историки из всех сил старались «опровергнуть» марксистско-ленинское учение об обществе. Именно поэтому ухватились буржуазные историки «за вопросы греческой социальной и экономической истории». В этом плане следовало рассматривать работу Пёльмана «История античного коммунизма и социализма» (между прочим, в учебнике она именуется «История античного социализма и коммунизма»). Само название книги в известной степени говорит о том, что Пёльману не было дела до научного понимания социализма и коммунизма. Пёльман, как он сам откровенно говорит в предисловии к указанной книге, мечтал о том, чтобы сделать классицизм «оплотом против вторгающегося материализма»³, для чего и считал необходимым «дать новое изображение античной мысли»; поэтому весь его этот «труд» посвящен одной цели: опорочить социалистические идеи,

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1951, стр. 105.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137.

³ R. Pöhlmann, Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus, München, 1893, стр. VII. В последующих изданиях Пёльман исключил из предисловия эти слова, но поставленная им цель осталась.

противопоставить им, якобы неистребимую, капиталистическую действительность. В учебнике, хотя и говорится о реакционности взглядов Пёльмана, но недостаточно показано, в чем состояла эта реакционность, в частности, не указано на жульническое обращение Пёльмана с историческими фактами. Недостаточно полно показана реакционность другого типичного представителя буржуазной историографии этого периода — Эд. Мейера, хотя в целом его характеристика значительно полнее и правильнее, чем характеристика Пёльмана. Касаясь работ Мейера, следовало бы показать банкротство буржуазных теорий в области древней истории. Вряд ли правильно рисовать Гиро, Глотца, Франкотта, Циммермана и других историков начала XX в. только как борцов против модернизации, не говоря о взглядах каждого из них. Правда, подчеркивая эту сторону в работах указанных историков, автор, подводя итог этому периоду, показывает, что буржуазные историки не были и не могли быть последовательными борцами против модернизации, что задачу борьбы с фальсификаторскими теориями могла выполнить только советская историческая наука. Обзор новейшей буржуазной историографии дан скупо, о чем писалось в передовой ВДИ, № 3, за 1949 г., и поэтому на нем останавливаться не будем.

Говоря о буржуазной историографии, следует отметить недостатки в показе археологических исследований. Если важные археологические открытия и их значение достаточно тщательно проанализированы, то показу неустрашимых пороков буржуазной археологии (кладосекательство, вешедение, расхищение памятников, использование археологии для проникновения с политическими целями на территорию государств, в которых велись раскопки), к сожалению, не уделено места. Перечисление одних только заслуг и распределение почетных мест между археологами ничего, кроме вреда, не может принести, так как не позволяет даже выяснить, почему остаются труднопознаваемыми отдельные проблемы древней истории, при разрешении которых можно было бы опереться на памятники материальной культуры.

Вторая группа замечаний относится к показу русской дореволюционной историографии. Надо сказать, что разделы, посвященные русской историографии, имеют ряд достоинств, отражающих исторический сдвиг в области оценки значения русской науки и культуры, вызванный постановлениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Об этом свидетельствует сравнительно полное и достаточно подробное изложение истории археологических исследований, развернутые характеристики трудов отдельных исследователей. Однако эти положительные моменты следует считать только началом освещения достижений русской исторической науки. В учебниках нет еще систематического и последовательного изображения русской науки. Отдельные этапы или деятельность видных ученых не поставлены в связь с развитием социально-экономических отношений и русской культуры.

Все еще не восстановлена до конца историческая истина о приоритете русской науки в разрешении ряда вопросов истории древней Греции. Русская наука имеет больший стаж, чем указано в учебнике. Правда, здесь отмечено появление переводов древних авторов в XVIII веке. Но в XVIII в., кроме того, уже началось научное обследование руин древнегреческих колоний. В связи с вопросом о приоритете нельзя обойти молчанием и русскую археологию. Говоря о ней, нельзя начинать словами: «В раскопках и исследованиях вновь найденных материалов приняли видное участие и русские ученые» (стр. 44). Нет, они не «приняли участие», а п е р в ы м и н а ч а л и серьезное, систематическое изучение археологических древнегреческих памятников. Приведем несколько общеизвестных фактов. Еще Петр I указами 1718 г. распорядился собирать древности. В отличие от имевшего место в Италии интереса к сбору памятников искусства (скульптур), в указах было выдвинуто новое требование — собирать и оружие и посуду. В 1739 г. В. Н. Татищев издал знаменитую инструкцию для археологических исследований. Отдельные положения этой инструкции не устарели и до настоящего времени. В 1763 г. Мельгунов произвел раскопки скифских курганов, инвентарь которых, как известно, имеет большое значение также и для древнегреческой истории. С 20-х годов XIX в. И. А. Стемпковский начинает систематическое изучение причерноморских древностей. В 1827 г. начались раскопки в Херсонесе; юбилейная дата.

связанная с этим событием, отмечается в этом году Херсонесским музеем. Если в ряд с этим поставить то, что первое знакомство с вещественными памятниками на Западе относится ко второму десятилетию XIX в. (известные «Эльджиновы мраморы» приобретены Британским музеем в 1816 г.), а систематические раскопки, имевшие большое научное значение, относятся к 70-м годам XIX в. (раскопки в Олимпии), то станет ясным, что в России изучение древнегреческих вещественных памятников началось раньше, чем на Западе.

Ко всему этому следует сделать еще одно замечание. Так как в учебнике в основном сохраняется синхронистический порядок изложения западноевропейской и русской историографии, то становится непонятным, почему анализ работ русских историков и археологов начинается после того, как обзор западноевропейской историографии доведен до 70-х годов XIX в. Может быть, и здесь послужил образцом труд В. П. Бузескула, в котором переход к русской историографии сделан также после анализа трудов Фюстель де-Куланжа и почти в тех же словах: «В разработке греческой истории немалое участие начинают принимать в рассматриваемый период и русские ученые»¹. Такое расположение материала может создать впечатление, что в предшествующий период разработка истории древней Греции в России не имела достаточного научного значения.

Необходимо далее отметить борьбу лучших представителей русской науки против реакционных теорий западноевропейских историков. Уже Куторга высмеивал таких горе-историков, которые «не только достигли, но и перешли пределы мудрствования в своих так называемых критических разысканиях»². Здесь можно указать также на работу Ф. Г. Мищенко³. Наряду с этим нельзя забывать и того, что русские дореволюционные историки, упоминаемые в учебнике, не владели научным марксистским методом, а некоторые из них были типичными выразителями интересов господствующих классов. Это видно хотя бы из того, что в конце XIX и начале XX в. в русской науке широко распространилась модернизация событий древнего мира. Учебник не искрывает со всей полнотой эту важную проблему историографии. Правда, здесь отмечены модернизаторские взгляды отдельных историков, но не показана буржуазная концепция трудов Ростовцева. Не разобраны в учебнике взгляды М. С. Куторги, М. М. Хвостова, В. В. Латышева и других историков, а без этого трудно решить вопрос о научном наследстве, нельзя во всем объеме понять коренное отличие советской исторической науки от дореволюционной историографии. В учебнике желательнее дать хотя бы самые краткие биографические сведения, касающиеся наиболее крупных представителей русской историографии. При анализе трудов М. С. Куторги уместно упомянуть, что им создано капитальное исследование о рабах в Афинском государстве, которое не потеряло научного значения и до сегодняшнего дня.

Третья группа замечаний относится к оценке путей развития советской исторической науки и показу работ советских исследователей. В эту часть историографической главы учебника, пожалуй, надо внести наибольшее количество исправлений и дополнений. Здесь прежде всего придется возвратиться к вопросу о расположении материала. Если в предшествующих разделах можно еще усмотреть какой-то порядок, то в этой части главы трудно обнаружить порядок или систему. Анализ отдельных трудов здесь перемежается с анализом научной деятельности тех или иных ученых и с обзором разработки отдельных проблем древнегреческой истории. Если бы автор сохранил и в этой части принятый им ранее хронологический порядок, то это заставило бы его полнее представить историю исследований древней Греции в СССР и, думается, помогло бы избежать некоторых досадных промахов.

К этому разделу, естественно, по смыслу относится обстоятельный анализ трудов

¹ В. П. Бузескул, [Введение в историю Греции, стр. 303.

² М. С. Куторга, О достоверности древнейшей греческой истории, Соч. т. II, Спб., 1896, стр. 20.

³ Ф. Г. Мищенко, [Не в меру строгий суд над Геродотом, «Геродот», т. II, М., 1888.

Маркса и Энгельса, имеющих непосредственное отношение к древнегреческой истории, хотя он помещен, на наш взгляд, правильно при рассмотрении историографии XIX в. Автор, приводя указание В. И. Ленина о значении марксистского воззрения на историю общества, выясняет роль марксистско-ленинской теории в деле научного подхода к изучению истории Греции. Все это создает необходимые предпосылки для правильного понимания причин успехов советской исторической науки. Но для того, чтобы показать причины этих успехов во всем объеме, совершенно необходимо отчетливо показать роль программных руководящих документов нашей партии, имеющих непосредственное отношение к исторической науке. Отсутствие этого анализа резко снижает познавательное и воспитательное значение историографической главы.

В учебнике хорошо показаны успехи советской науки, в частности освещена работа наших исследователей по разоблачению классовой сущности буржуазных теорий. Но и здесь необходимы дополнения. Советская наука вела борьбу не только против западноевропейских буржуазных теорий, но мужала и крепла в борьбе против попыток протаскивания буржуазных теорий в советскую историческую науку. Об этом в историографической главе не говорится. Советская наука, складываясь и развиваясь, прошла несколько этапов. В настоящее время возможно уже попытаться наметить периодизацию развития советской историографии. Это не только позволило бы правильно оценить работы советских историков, вышедшие в разное время в свет, но и показать итоги и перспективы развития нашей науки. Кроме того, периодизация способствовала бы лучшему усвоению студентами этого материала. Наконец, нельзя не упомянуть о крайней сжатости анализа новейших работ советских исследователей и о том, что некоторые работы незаслуженно вошли в учебник. Это, в частности, относится к упоминанию о путаной в методологическом отношении и лишенной научного интереса работе С. Я. Лурье «История общественной мысли».

Проф. Н. А. Машкин первым попытался создать сжатый и вместе с тем полный обзор истории изучения древней Греции советскими исследователями. Как первый опыт, эту попытку можно считать в основном удачной. Пользуясь собранным им материалом и оценками трудов, можно в новом издании учебника создать полноценный очерк развития советской историографии. При этом надо, видимо, исходить из того, что историография должна не только констатировать достижения исторической науки, но и вооружать будущих историков знанием проблем, решение которых является задачей нашей науки.

В связи с рассмотрением этих вопросов следует остановиться на рецензиях, посвященных учебникам; в этих рецензиях преподаватели вузов и студенты ищут помощи и часто руководствуются ими. Хотя ВДИ в передовой № 3 за 1951 г. самокритично отметил недостатки, имевшие место в отдельных рецензиях на учебники, все же стоит в дополнение к этому отметить, что слабее всего рецензированы историографические главы учебников. Примером этому может служить рецензия Н. Н. Пикуса в ВДИ, № 3 за 1949 г., которая частично посвящена разбору историографической главы. Анализ этой главы учебника в рецензии, по сути дела, посвящен один абзац (из двух последующих — один фиксирует недосмотры и опечатки, другой подводит краткий положительный итог). И почти ни одна фраза этого абзаца не может удовлетворить требованиям, которые предъявляются рецензиям. Большое место занимает прописные истины. Например, рецензент говорит, что в главе уделено внимание «изучению истории древней Греции в России», что «дается краткий обзор советской историографии», что автор стремится «... осветить вопросы историографии древней Греции в новое время». Но ведь без этого не было бы и главы по историографии, и все это читатель может усмотреть и без рецензента. Читатель хотел бы знать, как это сделано в учебнике, даже если учебник написан хорошо, что следует сделать для того, чтобы он стал более полезным в практической работе. Ждут от рецензентов подобных указаний и авторы. Правда, Н. Н. Пикус пытается ответить и на эти вопросы. Но в этой части мы или встречаем общие фразы («изучение истории древней Греции и понимание ее в новое время дано на фоне классовой борьбы, с учетом общего развития культуры и общественно-политических и философских идей»), или читаем общие советы. Так, рецен-

зент советует: «Однако первые абзацы по истории русской науки следовало бы расположить ближе к началу главы». Чтобы оценить этот совет, надо иметь в виду, что он единственный в отношении русской историографии. Позволительно усомниться, что при освещении русской историографии дело осталось только за тем, чтобы изложение ее располагать «ближе к началу главы». Рецензент советует далее, «чтобы характеристики буржуазных ученых были политически более заострены», следовательно, он видит и «незаостренные» характеристики. Какие? Но спрашивать бесполезно, так как в рецензии по этому поводу ничего не сказано.

Все эти соображения, как нам кажется, в достаточной степени показывают, что назрела необходимость уделить больше внимания вопросам историографии.

Е. Г. Суров

Е. С. ГОЛУБЦОВА, Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры, М., 1951, 135 стр., тираж 4000 экз., цена 8 р. 50 к.¹

Рецензируемая книга — первый печатный труд молодого автора. Она открывает серию монографий «Причерноморье в античную эпоху», к изданию которой приступил Сектор истории древнего мира Института истории АН СССР. Намерение сектора предпринять издание этой серии можно только приветствовать. Научная актуальность причерноморской тематики, органически связанной с изучением далекого прошлого нашей Родины, не вызывает сомнения. История древнего Причерноморья, в особенности Северного Причерноморья, издавна привлекала к себе внимание русских ученых. В советской исторической науке интерес этот еще более повысился и приобрел гораздо более глубокое научное содержание.

В прямой связи с выходом в свет замечательного труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» многие из проблем, уже наметившихся в ходе изучения причерноморского материала, должны быть заново пересмотрены в свете сталинских положений; в других случаях возникают новые проблемы, касающиеся, например, процесса формирования причерноморских племен в народности, активной роли надстроечных явлений и др. Разработка этих проблем с позиций марксистско-ленинской методологии на основе использования последних достижений советских историков и археологов, несомненно, внесет ясность в целый ряд принципиально важных и очень сложных вопросов.

Автор книги ставит своей целью осветить «на основе возможно более полного использования источников и литературы» (стр. 6) один из таких недостаточно еще изученных вопросов — вопрос о «взаимоотношениях Северного Причерноморья и Рима на рубеже нашей эры в эпоху борьбы народов Юга нашей страны за независимость» (стр. 6). Приступая к разрешению поставленной задачи в монографическом плане, автор исходит из безусловно правильных предпосылок. На рубеже нашей эры в Северном Причерноморье действительно «создался сложный узел противоречий» (стр. 5) — экономических и политических, — для правильного понимания которых нужно выяснить и специфику экономического, социального и политического развития Северного Причерноморья, и особенности внешней политики Рима этого времени. Автор также совершенно прав, считая, что историю взаимоотношений Северного Причерноморья с рабовладельческим Римом «нужно изучать не изолированно, а на фоне всей восточной римской политики в целом» (стр. 5). Эта мысль красной нитью проходит через всю книгу, воплощаясь в форму целого ряда более или менее пространственных экскурсов в сторону истории римской политики на Востоке и на Дунае. При помощи такого рода экскурсов и сопоставлений автор стремится раскрыть цели римской поли-

¹ Выпуск 1-й серии «Причерноморье в античную эпоху», под редакцией проф. В. Н. Дьякова.